

ЭКСПОРТ ИКРЫ ИЗ РОССИИ В НАЧАЛЕ XVIII в.:
ПРАКТИКА КАЗЕННОЙ ТОРГОВЛИ

Вмешательство государства в народнохозяйственную жизнь страны было традиционно для России. Формы и методы этого вмешательства были различными и включали в себя меры как экономического, так и социального характера. Вплоть до второй половины XVIII в. хозяйственной сферой, подвергавшейся наиболее активному воздействию со стороны государства, являлась торговля. Наряду с ее регулированием посредством таможенного обложения и других мер государство выступало в качестве прямого участника торговых операций. В XVII—первой половине XVIII в. казна, стремясь увеличить свои доходы, играла заметную роль в экспортной торговле, присваивая себе монополию на вывоз тех или иных товаров, которые объявлялись заповедными. Перечень таких товаров, объем торговли ими — эти вопросы уже давно привлекали к себе внимание исследователей и применительно к первой четверти XVIII в. подвергнуты детальному рассмотрению в обстоятельной статье Р. И. Козинцевой.¹ Однако сама практика реализации казной своей торговой монополии исследована значительно меньше. Настоящая статья призвана содействовать устранению данного пробела и посвящена изучению организации в начале XVIII в. экспортной торговли одним из товаров, наиболее часто включавшимся в число казенных, — икрой.²

В XVII в. астраханские рыбные промыслы, где добывалась икра и откуда она поставлялась как на внутренний российский рынок, так и на экспорт, «составляли исключительное достояние царской казны».³ Здесь ловля рыбы и приготовление икры осуществлялись двумя способами: либо они поручались выбиравшимся из посадского населения обычно на один год «верным головам» и «целовальщикам», либо отдавались на откуп или на оброк. В первом случае временные управляющие самостоятельно нанимали рабочую силу и организовывали производство икры. Во втором — откупщики, сами занимаясь рыбной торговлей, поставляли икру казне в счет причитающейся с них платы за пользование рыбными угодьями. Ввиду дороговизны рабочей силы «содержание рыболовных заведений на вере почиталось не вполне выгодным делом», и правительство предпочитало сдавать их на откуп или на оброк, размеры которых, однако, оно вынуждено было с середины XVII в. снижать. Вся астраханскую рыбную торговлю государство держало под своим контролем.⁴ В таких условиях производство икры требовало от казны определенных затрат, к которым добавлялись расходы на доставку готового продукта вверх по Волге.

Стремясь сдавать на откуп рыболовные угодья, казна с конца 60-х гг. XVII в. отдала на откуп и экспорт икры гамбургским купцам Ф. Ферпортену и А. Бельтгенсу. По условиям откупа они получили возможность принимать икру «у Архангельскому городу», куда ее везли за казенный счет, а на время договора предписывалось «русским никаким людям и иноземцом опричь их откупщиков такую икрой никому не торговать и <...> за море на продажу не возить и не торговать».⁵ Откуп являлся монополией на экспорт икры и отразился также на внутренней торговле этим товаром: всю икру, привезенную «к Москве <...> указал Великий Государь иметь на себя», т. е. принудительно продавать в казну, что неизбежно должно было сократить самостоятельную торговлю тех, кто держал на откупе рыболовные угодья.⁶

В конце XVII—начале XVIII в., отдавая экспорт икры на откуп с торгов, казна смогла добиться для себя несколько лучших условий: теперь откупщикам приходилось сортировать и браковать икру не в Архангельске, а в Нижнем Новгороде. Оттуда отобранная откупщиками икра отправлялась в Вологду и затем по весне водным путем доставлялась в Архангельск, а признанная негодной для вывоза — в Москву, для продажи на внутреннем рынке. Как и ранее, сохранялась монополия откупщиков на экспорт икры.

Создавая Правительствующий Сенат, Петр I поставил перед новым высшим органом власти в качестве одной из первоочередных государственных задач «осмотреть и посвидетельствовать товары, которые на откупах или по канцеляриям или губерниям». Уже находясь на берегах р. Прут, Петр шлет сенаторам указ от 1 июля 1711 г., в котором еще раз потребовал, чтобы они «трудились о усмотрении прибыли у товаров, которые были по приказам <...>, от чего будет, — полагал царь, — немалая государству польза». Выполняя царские указы, Сенат собрал сведения о торговле икрой за время с 1703 г. Из них явствовало, что казна в том году дала подряд «подрядчику конюшенной овчинной слободы Сидору Михайлову» вывозить икру не только с астраханских, но и яицких дворцовых, патриарших, митрополичьих и монастырских промыслов, рассчитывая, что удастся вывозить по 300 бочек икры (1200 пудов) ежегодно. Однако этот расчет оправдался лишь в 1705 и 1711 гг., когда было доставлено 342 и 330 бочек соответственно. В остальные годы поставляли откупщикам столько, «сколько собрать мочно» было, — от 203 до 266 бочек. К тому же обнаружилось низкое качество поставлявшейся с промыслов икры: только в 1706 г. экспортеры смогли отбраковать чуть меньше 4/5 имевшегося количества бочек, в остальные годы они отбирали немногим более половины того, что доставлялось в Нижний Новгород. В 1711 г. казанский губернатор П. М. Апраксин заставил С. Гартсайда (Гартца) принять всю привезенную в Архангельск икру, включая 50 бочек той, которая была «самая гнилая, что продать и есть невозможно», под угрозой не дать вообще ничего. Плохо справляясь с поставками экспортного товара, казна, как обнаружили сенаторы, не имела представления о том, какова была себестоимость икры, во-первых, «потому что всякий расход бывает на рыбных промыслах вместе, а что расходу на рыбу, и на икру, и на клей, и на вязигу и на другие припасы порознь бывает, того рыбные промысленники в книгах не прописывали». Во-вторых, не смогли пайти сведений о том, на какую сумму в Москве продавали не припятую откупщиками икру. В-третьих, оставались чаще всего невыясненными затраты казны на доставку икры от Астрахани до Архангельска. Лишь за три года — 1704, 1705 и 1706 — удалось установить точный размер расходов на нее.

Получив сведения о столь серьезных изъянах казенной торговли икрой, Сенат тем не менее в своем приговоре от 6 марта 1712 г. не предусмотрел ничего для их устранения. Фактически он ограничился тем, что провел торги между претендентами на откуп экспорта икры и по их итогам отдал его «московскому торговому иностранцу» П. Вестову на тех же условиях, на каких вывозили икру его предшественники: производить бракование в Нижнем и не брать на себя доставку в Архангельск, которая осталась на обязанности казны. П. Вестов должен был по договору вывозить по 200 бочек ежегодно."

Пользование откупом началось в 1712 г. для П. Вестова не вполне удачно. Стараниями П. М. Апраксина в Нижний было доставлено 426 бочек икры. Но, по-видимому, товар в Нижний прибыл поздно, и местные власти поторопились отправить его в Вологду до приезда представителя П. Вестова. П. Вестову пришлось запрашивать в Канцелярии Сената «на Вологду указ». Прибывший в Вологду по поручению Вестова Иван Фарьюс-младший отбрал 200 бочек и отказался браковать остальную «для того, что она плоха и <...> выбрать не из чего». Но и отобранная Фарьюсом икра, как жаловался в июле 1712 г. П. Вестов Сенату, «явилась самая плохая и топлая, и в винных

бочках». Откупщик просил Сенат «послать указ <...>, чтобы строить армянскую икру самую добрую, не сухую, не жидкую, не жиловатую и не подкислую безо ржавчины и без всякой подмеси, со всякою чистотою и остерегательством, <...> и класть бы в чистые дубовые бочки». Испрошенный указ Сенат казанскому губернатору направил и дополнительно предписал «для строения той икры определить из Казанской губернии нарочного смотрителя человека доброго и заобычного».

После выполнения обязательств перед откупщиком у казны оставалось более 8000 пудов икры, которую оказалось невозможным «в таковое распутное время» доставить в Москву. Попытки архангельского вице-губернатора А. Курбатова продать икру «на Вологде и в других Архангелогородских городах» по цене от 5 до 2.5 коп. за фунт успеха не имели. Мало помогло и снижение цены до 3—1.5 коп. за фунт. По указу Сената 600 пудов было отдано в Троицкий монастырь. Присланный из Нижнего «для отдачи икры <...> икряного промысла промышленник» Терентий Хохолков и целовальник Осип Масленников в своем прошении писали летом 1712 г. в Сенат: «...остаточная икра течет и сохнет <...>, а под возку икры в нынешнее деловое время никто не подряжается».⁹ Только в декабре того же года А. Курбатову удалось отправить непроданную икру в Москву, затратив на провоз 479 р. 5 алтын.¹⁰ Но там ничего не смогли продать, поскольку в столицу уже стала поступать зернистая икра нового улова. В своем приговоре Сенату ничего не оставалось, как признать, что в силу нерасторопности и нераспорядительности агентов казне «учинился немалой убыток».¹¹

В феврале 1713 г. в Нижнем Новгороде представитель П. Вестова Иван Фарьюс отобрал вместо положенных 200 бочек только 186, и они 6 марта были отправлены через Вологду в Архангельск. Остальная икра, 241 бочка, была отправлена в Москву. Там всего скопилось уже свыше 15 000 пудов икры. Рассматривая 1 июля 1713 г. вопрос о продаже икры в Москве, Сенат так и не смог выяснить, сколько и по какой цене икры продано. К тому же обнаружилось, что «многая икра в привозе негодная, не только цены и провозу не стоит». Доносивший об этом обер-комиссар Дмитрий Соловьев обращал внимание сенаторов на то, что «в прошедших годах, когда ведом был икряной промысел в Приказе Большого Дворца, то в тех годах икру, которая осталась за браком иноземским, приваживали к Москве не по многому числу, чему б можно разойтись, а негодной с промыслов не приваживали, для того, что она никогда провозу не стоила». Но это напоминание Сенат проигнорировал и в своем приговоре ограничился указанием, чтобы «к отпуску к Москве икра <...> была добрая, а не такая как нынешняя, у которой не токмо какой быть прибыли, но ниже и провозных денег во взятые не будет». Неисполнение этого требования, как с угрозой записал в приговоре Сенат, «в нерадение причетца к той Казанской губернии».¹² Добиваясь обеспечения качества казенного товара, высший правительственный орган уповал исключительно на административные меры, рассчитывая повысить ответственность местных должностных лиц.

Заготовленная П. Вестовым в 1713 г. икра была благополучно вывезена через Архангельск.¹³ Однако в том же 1713 г. условия откупа на закупку икры были в одностороннем порядке для П. Вестова изменены самим Петром I. Его именными указами было предписано к весне 1714 г. важнейшие экспортные товары, в том числе икру, «ставить» для продажи «за море» не в Архангельск, а в Санкт-Петербург.¹⁴ Во исполнение царских указов Сенат постановил «иноземцом, которым продана икра и поташ, <...> сказать указ с приложением рук», «чтоб они под те товары карабли выписывали в С. Питербурх».¹⁵ Вместе с тем исполнение повелений Петра о переориентации товаропотоков на Петербург поставило казну перед необходимостью обеспечить доставку икры в новую столицу. В феврале 1714 г. в Нижнем Новгороде

ее отбраковали в количестве 160 бочек вместо положенных 200 и довели до Твери к 13 марта «на паемных подводах». Приближавшееся окончание зимнего пути остановило транспортировку. На последовавший запрос от сопровождавших икру нижегородских целовальников Сенат 24 марта распорядился «весть водным путем с великим бережением и поспешением, дабы всеконечно могла привезена быть в Санкт-Петербурх по самой полой вешней воде».¹⁶

20 апреля 1714 г. везти икру подрядился тверской посадский человек Иван Протопопов. Он обязался «поставить» ее из Твери в Петербург «на своих судах и своими работными людьми», «а везучи ту икру водяным путем стеречь и беречь <...> пакрепко, хитра и порухи никакие не учинить и съисподи не подмочить, кроме воли Божией и сильной руки». Первая партия икры — 25 бочек — прибыла в Петербург благополучно. 5 судов, доставлявших вторую партию, основную часть отобранного товара — 94 бочки, были застигнуты на Ладожском озере «великою бурною погодою». Одно судно потонуло, и из 34 оказавшихся в воде бочек смогли выловить «17 бочек целых и рассыпных». На другом судне, принужденном стать на якорь вдали от пристани, работные люди по требованию лоцмана в отсутствие подрядчика и его приказчика стали разводить огонь, чтобы «сварить рыбу». При переносе огня с носа на корму был «зпотно де. <...> уголь заропен». Сильный ветер помешал тушению пожара, сгорели мачта и палуба. Пострадали все 32 бочки, находившиеся на судне: «У одних обгорели рогожи, попортились обручи, и бочки распались, а икры ничего не сгорело, у других только обгорели одни рогожи, а бочки целы». Очевидно, требовалось срочно принять меры к тому, чтобы пострадавший товар поместить в новую тару и предохранить от порчи. Но именно этого Сенат и не смог добиться от подчиненных ему должностных лиц.

4 уцелевших судна Ивана Протопопова прибыли к петербургской пристани не позднее 8 июля 1714 г. 9 июля Сенат направил инспектору Петербургской Ратуши Афанасию Гурьеву указ принять доставленную в целости икру и передать доверенному лицу П. Вестова голландцу Варфоломею Боршту. Гурьеву предписывалось также «погорелую и потонувшую икру <...> осмотреть и описать и освидетельствовать подлинно и оценить настоящею ценою, <...> а икру сложить в удобное и безопасное место». Однако ни этот указ, ни указы о том же от 17 июля и 4 августа своего действия не возымели, и Сенат 11 августа снова был вынужден вернуться к вопросу о «потонувшей и погорелой икре». Работник подрядчика И. Протопопова уже вторично доносил Сенату, что А. Гурьев ограничился лишь тем, что распорядился выгрузить икру из судов на пристань, и она, «лежа на пристани в толико долгое время в неудобном месте и без покрова от жаров zelo истекает, и в дождь подмокает, и бочки рассыпаются, и от того той икре чинится гибель». Сенаторам ничего не оставалось, как обратиться к А. Д. Меншикову, «дабы оную икру приказал принять». 17 августа было «к светлейшему князю писано». Его вмешательство незамедлительно дало результат. По поручению А. Гурьева таможенный бурмистр Тимофей Корыхалов и 30 человек «торговых людей» в промежутке с 18 августа и по 15 сентября подпорченную икру дважды подвергали бракованию. В конечном счете из 2096 пудов 14 фунтов икры признали годной примерно половину, 1122 пуда 15 фунтов. При этом производившие бракование «торговые люди» оценивали наименее испортившуюся икру (10 бочек, весом «с деревом» 445 пуд 12 фунтов) по 20 алтын за пуд, а остальную из той, что еще можно было продавать, по 13 алтын 2 деньги за пуд.¹⁷ Обратившись к А. Д. Меншикову, Сенат предложил эту икру «продавать на здешние расходы <...> настоящею ценою определенным к тому делу целовальником, за приемотром инспектора Гурьева».¹⁸ того самого, чья нераспорядительность как раз и привела к окончательной порче пострадавшего от стихийных бедствий товара.

Обстоятельства гибели и порчи части икры — кораблекрушение и пожар — Сенат признал произошедшими по «воле Божией» и подпадающими под действие ст. 225 гл. X Соборного Уложения, почему постановил на подрядчике убытка не взыскивать.¹⁹

Итак, первый опыт экспорта икры через Петербург оказался не вполне удачным. Не столько стихийные бедствия, сколько вопиющая безответственность и нераспорядительность правительственных агентов принесли казне — уже в который раз! — серьезные убытки. Получило подтверждение мнение казанского вице-губернатора, рассматривавшееся Сенатом еще в марте 1714 г. В своем докладе от 1 марта он, пытаясь снять с себя ответственность за поставку некачественной икры и весьма вероятные убытки казны, предлагал, «дабы икру и клей из Казанской губернии иноземцам и русским продавать повольно» и вывозить не только через Петербург, но и другие порты. Свое предложение вице-губернатор обосновывал тем, что уже давно должна была ощутить казна и что в силу решений Сената в 1712—1713 гг. почувствовала на себе администрация Казанской губернии, — убыточностью откупной торговли с прямым участием самой казны. Свободная торговля предпочтительнее, считал вице-губернатор, «попееже в отдаче икры и клею в бракованье и в привозе и в откупной от брака икре и в клею Казанской губернии многой есть убыток». Однако Сенат не поддержал казанского вице-губернатора, потребовав «ставить тою икру для отпуску за море» только в Петербург и «охочим людям продавать» лишь «на золотые и ефимки». ²⁰ Казна не отказалась ни от монополии на икру, ни от передачи экспортной торговли ею на откуп. Эта же практика торговли икрой сохранилась даже после знаменитого указа Петра I 1719 г., которым было повелено большинство казенных товаров, в том числе икру, «увольить торговлею в парод». ²¹ На нее, по-видимому, мало повлияли как наметившаяся во втором десятилетии XVIII в. тенденция к сокращению числа монополий и откупов, так и обострившаяся в правительственной среде борьба мнений между их сторонниками и противниками. ²²

После окончания действия откупного договора с П. Вестовым экспорт икры стал отличаться еще большей нестабильностью, чем ранее. Значительное возрастание объемов вывоза икры в отдельные годы чередовалось с резкими спадами. Это показывают данные и Р. И. Козищевой, и Н. Н. Репина, несмотря на некоторые расхождения между ними. ²³ И если торговля другими экспортными товарами приносила казне прибыль в размере 50—60%, ²⁴ то вывоз икры приносил ей небольшие доходы. ²⁵

Правительство предпринимало попытки улучшить положение, по тем же мерам, что и раньше. В 1715 г. реализация икры, как и всех остальных казенных товаров, была передана из Капцелярии Сената, куда она, видимо, перешла из Семеновской канцелярии после 1711 г., в Приказ Большой казны. ²⁶ В 1724 г. сенатским указом было приказано икру браковать в Астрахани и отбирать для поставки в Петербург «годную в заморский отпуск». Остальную было предписано возить в Москву и другие города. С этой целью Сенат потребовал назначить в Астрахань браковщика «и дать ему инструкцию от Коммерц-Коллегии». ²⁷ В 1726 г. Сенат поручил заключать контракты на продажу икры Коммерц-Коллегии, а приготовление ее — Камер-Коллегии. При этом, желая передать привоз икры «на кошт» покупателей, казна все-таки не решалась отказаться от ее доставки за свой счет. ²⁸

В 1730 г. в обстановке острой нехватки денег правительство вновь обратило внимание на торговлю икрой. 20 апреля Сенат констатировал, что «токмо за отдаленнем того места от Санкт-Петербурга к покупке и бракованию той икры, которая годится в заморский отпуск, в Нижнем до нынешнего времени никого не было, да и впредь надежды иметь не возможно». (Очевидно, в этом году вывоз икры не был сдан на откуп.) Было принято предложение Коммерц-Коллегии казенную браковку икры из Астрахани

вернуть в Нижний Новгород, а годную для экспорта икру возить в Ярославль, где купцов было больше, с чем связывалась надежда на более высокие продажные цены.²⁹ В том же 1730 г. казенные товары были отданы на откуп английским купцам.³⁰ Однако «за повреждением судна» икра была доставлена только до Симбирска. Пришлось назначить той икре, «что на Москве», цену продажи в 74 1/2 коп. за пуд. Вместе с тем сенаторы в 1731 г. вынуждены были признать следующее: «А понеже вышесписанная икре продажа с великим казенным убытком учинена (в 1730 г. — Б. Д.), а в прошлых годах как от той икры, так и от рыбных припасов и клею была ль какая прибыль, того в Сенате неведомо».³¹ Таким образом, полная неосведомленность относительно затрат и условий производства икры, обнаруживавшаяся в 1712 г., была присуща Сенату и 20 лет спустя.

Итак, практика казенной торговли икрой в начале XVIII в., как показывает ее изучение, отличалась в наибольшей степени всеми теми отрицательными чертами, которые были присущи государственному торговле и предпринимательству. В своем стремлении к получению дохода в иностранной валюте, столь необходимой для организации российского денежного обращения, казна не только не считалась с издержками, но и обнаруживала неспособность даже установить их размер и уж тем более сократить. Это наглядно проявилось именно в торговле икрой, где, казалось бы, существовали благоприятные условия для постановки строгого учета, поскольку казна держала под своим контролем весь процесс поставки икры — от вылова рыбы до оптовой и мелкооптовой продажи. Свое отрицательное влияние на результаты казенного торгового предпринимательства оказывала небрежность государственных должностных лиц, откровенно игнорировавших обращенные к ним предписания правительственных органов и повсеместно безразличных к соблюдению интересов казны. В результате как при заготовлении, так при транспортировке и хранении экспортного товара, требовавшего к себе деликатного и внимательного отношения, постоянно происходили крупные потери, избежать которых казна оказывалась не в состоянии. Негативную роль в этом играла и неоднократно осуществлявшаяся за короткий промежуток времени передача торговли икрой из одного государственного учреждения в другое. В итоге присущая государственной торговле убыточность сочеталась с нестабильностью объемов экспорта икры, которая сохранялась и в середине XVIII в.: различия в количестве вывезенной икры достигали порой более чем десятикратного размера — через Петербург и Архангельск вместе в 1741 и 1751 гг. было вывезено примерно по 20 тыс. пудов икры, а в 1746 г. — 1273 пуда, в 1750 — 1766 пудов.³² Тем не менее казна, не способная извлечь уроки из своих торговых неудач, не торопилась отказаться от монопольного права торговли икрой. И только в 1762 г. Екатерина II именным состоявшимся в Сенате указом повелела «во всех местах имеющихся рыбные откупы» уничтожить и разрешила поступающим с рыбных промыслов товарам «за море и за границы отпуск чинить <...> всем невозбранно».³³ Выбор был сделан в пользу свободной частной торговли.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Котинцева Р. И. Участие казны во внешней торговле России в первой четверти XVIII в. // Изв. 1973. Т. 91. С. 267—337. См. также: Ретин Н. Н. Внешняя торговля России через Архангельск и Петербург в 1700—начале 60-х годов XVIII в.: Дисс. ... д-ра ист. наук. М., 1985.

² На экспорт поставлялась паюсная или мятая, т. е. прессованная икра, добывавшаяся

из белуги и называвшаяся темно-серой или армянской. Зерна ее были величиной с горошину перца. См.: Костамаров Н. И. Очерк торговли Московского государства в XVI и XVII столетиях. 2-е изд. СПб., 1889. С. 281—282.

³ Там же. С. 277.

⁴ Там же. С. 277—278.

⁵ ИСЗ-1. СПб., 1830. Т. 1. № 596. См. также: Котинцева Р. И. Участие казны... С. 312—313.

- ⁶ ПСЗ. Т. 1. № 596.
- ⁷ Козинцева Р. И. Участие казны... С. 313.
- ⁸ Доклады и приговоры, состоявшиеся в Правительствующем Сенате в царствование Петра Великого. СПб., 1882. Т. 2, кн. 1. С. 139—146 (далее — ДПС). Причина отсутствия сведений об издержках казны, как обнаружилось несколько позже, состояла еще и в том, что в 1704 г. из Приказа Большого Дворца «рыбные, икраные и клеевые промыслы и дела отосланы в Семеновскую канцелярию к делам рыбных ловель» (ДПС. СПб., 1888. Т. 3, кн. 2. С. 452).
- ⁹ ДПС. СПб., 1883. Т. 2, кн. 2. С. 51—53.
- ¹⁰ ДПС. СПб., 1887. Т. 3, кн. 1. С. 327.
- ¹¹ Там же. С. 329. Оставшуюся в Москве икру завозов 1712 и 1713 г. Сенат приговором от 21 июля 1713 г. отдал для продажи «Казанской губернии комиссаром, обретающимся при Сенате», поскольку казанский губернатор требовал за честь ее в счет лежавших на губернии выплат по высокой цене, а на Москве ее и по 50 коп. за пуд без уплаты пошлин никто покупать не хотел (ДПС. Т. 3, кн. 2. С. 452, 492).
- ¹² Там же. С. 491—492.
- ¹³ ДПС. СПб., 1888. Т. 4, кн. 1. С. 133—134. См. также: Козинцева Р. И. Участие казны... С. 315.
- ¹⁴ ПСЗ-1. Т. 5. № 2732, 2737.
- ¹⁵ ДПС. Т. 3, кн. 2. С. 1105—1107.
- ¹⁶ ДПС. Т. 4, кн. 1. С. 276.
- ¹⁷ ДПС. Т. 4, кн. 2. С. 697, 718—719, 942—949.
- ¹⁸ Там же. С. 882.
- ¹⁹ Там же. С. 949.
- ²⁰ ДПС. Т. 4, кн. 1. С. 133—134. См. также: Козинцева Р. И. Участие казны... С. 314.
- ²¹ Ретин Н. Н. Внешняя торговля... С. 285—286.
- ²² Козинцева Р. И. Участие казны... С. 333—337.
- ²³ Там же. С. 315; Ретин Н. Н. Внешняя торговля... С. 597.
- ²⁴ Ретин Н. Н. Внешняя торговля... С. 287—288.
- ²⁵ Троицкий С. М. Финансовая политика русского абсолютизма в XVIII веке. М., 1966. С. 177.
- ²⁶ ДПС. СПб., 1892. Т. 5, кн. 1. С. 41. См. также: Козинцева Р. И. Участие казны... С. 314.
- ²⁷ ПСЗ-1. Т. 7. № 4557.
- ²⁸ Там же. № 4877.
- ²⁹ Там же. № 5541.
- ³⁰ Троицкий С. М. Финансовая политика... С. 177.
- ³¹ ПСЗ-1. Т. 8. № 5710.
- ³² Ретин Н. Н. Внешняя торговля... С. 597.
- ³³ ПСЗ-1. Т. 16. № И 630. П. 18, 19.

В. П. Золотухин

ИТОГИ ФЕРМЕРСКОГО ПУТИ В США (СОЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ)

Об успехах американского сельского хозяйства, его высочайшей эффективности, производительности известно каждому. Интерес к американскому опыту в этой сфере для России — не новая вещь. Впервые достижения американских фермеров привлекли внимание российских специалистов еще в середине прошлого века. А в последние десятилетия XX в. вопрос об использовании американского опыта в нашем сельском хозяйстве не сходит с повестки дня. Создание фермерских хозяйств на российской почве придало этому новый импульс.

По многим параметрам сельское хозяйство США отличается очень высоким уровнем. Сегодня, составляя менее 2% населения США, фермеры снабжают продовольствием и сырьем страну, население которой приближается к 300 млн, а стоимость сельскохозяйственной продукции, экспортируемой из США, превышает 40 млрд долл. в год.¹ В США производится 42,7% мировой продукции соевых бобов, 34,4% кукурузы, 21,2% хлопка, 11,6% пшеницы.² Научно-техническая революция способствовала резкому увеличению производительности фермерских хозяйств. Если в 1940 г. один фермер обеспечивал продовольствием и сырьем 19 человек, то в 1995 г. — 129 человек (94 — в США и 34 — за рубежом).³ Благодаря высокой эффективности сельского хозяйства, население США получает дешевое продовольствие, в общей сумме расходов средней американской семьи (за вычетом налогов)